

Юрий СИДОРОВ,
доктор технических наук
г. Санкт-Петербург

Земляничные тройки поэтов

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Ф. И. Тютчев

С возрастом начинаю все больше понимать, что на свете белом ничего случайного не бывает. Много лет занимаясь теорией вероятности и математической статистикой, применением их методов к познанию физических явлений и систем, давно пришел к выводу, что случайность – это проявление непознанной закономерности. И то, что мое сердце прикипело к Пушкиногорью, что я считаю эти места одними из лучших на земле, только подтверждает вышесказанное.

С детства родители мои учили меня понимать и чувствовать прекрасное. С семи лет я учился музыке – игре на аккордеоне, инструменте красивом, бывшем в пятидесятые годы экзотическим, редким и очень эффектным по звучанию, меня водили в

лучшие театры Ленинграда, в музеи. Отец советовал мне записывать свои впечатления от фильмов, спектаклей, пересказывать их содержание. Мама занималась сборищем библиотеки. Одним из первых у нас появилось академическое собрание А.С.Пушкина. Потом собрания Гоголя, Тургенева, Горького, Толстого, Чехова... Папа играл на щипковых инструментах – гитаре, домре, балалайке, в юности он даже занимался в оркестре русских народных инструментов. Мама обожала балет, в юности поступила в хореографическое училище, но потом педагоги отсоветовали это занятие. Она была знакома с известными мастерами балетного искусства. У нас всегда в почете были книги, музыка, шахматы. Так мог ли я после такой подготовки не влюбиться в Семена Степановича Гейченко, в дивное трудолюбивое Пушкиногорье, не оценить все величие сделанного Семеном Степановичем для русской культуры?! Мог ли я не оценить благородные таланты поэтов, писателей, художников Пушкинских Гор?!

Со временем не только оценил, но и познакомился с ними, и сердце мое теплеет от мысли, что многих из них я могу назвать своими друзьями.

Летом 2007 года на турбазе я прочитал объявление с приглашением на поэтические посиделки, вести которые будет член Союза писателей России поэт Наталья Лаврецова, а читать стихи будут пушкиногорские авторы и все желающие. От любопытства пошел и с тех пор каждую субботу ходил с огромным удовольствием. Да и как было не ходить, если вы слышали, например, такие стихотворные строки:

*Вдоль берега, лугами заливными,
Пойду бродить у вечности в гостях.
Там незабудки стали голубыми,
Катаясь в небесах на облаках.
Там солнце превратилось в одуванчик,
Туман укрылся в капельках росы.
Там тикают с рассвета до заката
Природные, цветочные часы.*

Красиво, а?! А какие образы!

Позже, уже познакомившись с пушкиногорскими поэтами, я узнал, что Ирина Белькова, напи-

савшая это милое стихотворение, работает в заповеднике, в Бугрово, увлекается стихосложением давно и по совету Натальи Лаврецовой собрала уже целую тетрадь стихов.

В то лето отмечалось 80-летие Пушкиногорского района Псковской области, к этой дате вышел сборник стихов «Литературное Пушкиногорье». Поэтому я мог не только по субботам слушать прекрасные стихи, но многие из них читать в сборнике. Запомнились следующие строки Виктора Окунова:

*Мне хочется обнять весь этот лес,
Мне хочется с ним говорить на равных!
Я видел его слезы, слышал смех,
Березовый, сосновый и дубравный.
И горестно мне жить среди людей,
Растряченных порой и озлобленных...
И тянет мир иной – корней, ветвей
И вечных истин, смертно обнаженных.*

Жестокая оценка, но правдивая.

А разве не честны, разве не правдивы пронизанные болью за гибнущую русскую деревню следующие строки Юрия Иванова из стихотворения «Брошенная деревня»:

*За пригорком – деревня. Когда-то была.
А теперь две избы скособочили крыши.
От других ничего – ни кола, ни двора.
Да и эти две здесь вроде лишние.
Ни тропы, ни примятой ногою травы,
А когда-то селились и люди, и счастье.
Одичавшие яблони, парочка слив
Да высокий бурьян, взявший власть здесь.*

Хорошим знанием жизни, честностью, искренностью и свежим ароматом стиха отличаются творения пушкиногорцев, знающих цену труду на любимой земле. Их стихи лишены штампованных рифм, искусственных чувств и эмоций, пошлости и сальности. Они о красоте русской деревенской жизни, о красоте русской провинции, намного превосходящей нравственно провинцию столичную, о красоте природы России. Посмотрите, как взволнованно и задушевно пишет об этом Наталья Лаврецова в стихотворении, посвященном С.С.Гейченко:

*Какая осень, Боже мой, какая осень!
Шурша нагретою хвоей, бреду меж сосен.
Меж старых сосен, старых лип и старых кленов...
Я безнадежно сердцем влип, навеки тронут
Немым сподвижничеством муз дворовых вязов.*

*Одним узлом семейных уз я с ними связан.
Как будто листья на ветру, слова роняю.
Но я боюсь, что я совру, – я слов не знаю
Таких, чтоб развели меня с последним летом...
Таких, чтоб хоть на склоне дня побыть поэтом.*

Наталья Лаврецова пишет не только стихи. В начале 2010 года, например, у нее вышла чудесная книжка «Трость Пушкина», представляющая своеобразный литературный детектив для детей, юношества и тех взрослых, которые не потеряли способности удивляться и восторгаться чем-то известным, но вновь увиденным в другом свете, в другой смысловой тональности, в другом эмоциональном ракурсе. И вы воспринимаете это известное по-новому, вам открываются новые грани явления, процесса. А делает все это автор, заражая вас своей увлеченностью описываемым, своей доброй энергией.

И вот в журнале «Север» № 1 – 2 за 2010 год прочитал новое произведение Натальи Анатольевны Лаврецовы под названием «Два поэта на земляничном пути». Повесть эта была прочитана мною на одном дыхании, действие ее тоже происходит в Пушкинских Горах, в деревнях Савкино и Луговка. Сам автор много ездит по России, но как подлинно русский писатель творит в основном на своей земле, где живет, в Савкино, будто помнит горькие строки великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова: «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желаний творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний».

Повесть «Два поэта на земляничном пути» о любви, причем написана она в жанре своего рода литературного импрессионизма, когда события и чувства отходят на второй план и заменяются впечатлениями. Читатель ждет-ждет развития, а его нет, есть лишь предощущение событий, впечатление от ожидаемого. Вот, например, как описана встреча героев друг с другом: «Нет, это не был кувшин с джином. Это был джинн сам по себе. Но еще раньше, чем взглянула... Вздрогнуло что-то: ведь не существовало же! Не должно существовать. В природе не предусматривалось. Но – эта фигура... Легкая посадка торса на узкие бедра... Развернутые плечи. Что это? Где видела? Растрепанные ветром волосы. Неспешные, размеренные движения... Парень стоял за забором, держа в руках маленький топорик, что-то там делал».

Конечно же, оба героя пишут стихи. Почитайте стихи героини:

Соблазни меня красиво.
 Так, как только ты умеешь.
 Чтобы конь чугунный гривой
 Вдруг повел на острой шее.
 Соблазни меня – прекрасно.
 Чтоб сквозь трав многоголосье
 Шелестнуло б: я согласна.
 Даже если и не спросишь.
 Скажешь, подойдя к окну: как грубо
 Ветер с туч срывает глянec.
 Я скажу: хоть это глупо, но, наверно, я останусь...

Позволю себе привести еще один отрывок из повести:

«Прошел год. Мы с Селянычем идем той же лесной тропой. Конец июня. Земляника.

– Извини, Селяныч, но...

Я ныряю в заросли, полные душистых ягод.

– Два поэта на земляничном пути, – вдруг говорит Селяныч, наблюдая за моим очередным марш-броском.

– Что? – застываю я с ладонью, полной ягод.

– Мы с тобой два поэта на земляничном пути.

Я смотрю на Селяныча – и вижу: знойное лето, большие колеса велосипеда, ладонь с ароматом ягоды, протянутую к губам. Два поэта на земляничном пути...

– Это ты хорошо сказал, Селяныч, очень хорошо. Есть путь Млечный, есть – земляничный. Если звезды ковша Большой Медведицы соединить и мысленно продолжить, можно упереться в Полярную звезду. А Полярная звезда олицетворяет собой центр Вселенной, равновесие мира. Если путь – он обязательно должен куда-нибудь привести».

Уверен, что я этими отрывками не донес и соей доли того очарования, которое есть во всей повести. Фабула простая, интересно проследить эволюцию чувств героев, изменения их внутреннего состояния при неизменности принципов и мотивов поведения. Замечу, что прототипом Селяныча является реальное лицо – поэт Виктор Окунев, проживающий в деревне Луговка, которая в повести носит название Полянка. Как и в книге «Трость Пушкина», Лаврецова описывает родные пушкиногорские места, а прототипами являются жители и гости этих мест.

...Закрыв журнал «Север», подумал: а что же является движущей силой, своего рода стимулом в творческих порывах «пишущей братии» Пушкиногорья? Гонораров нет, денег на издание тоже нет, тиражи (если посчастливилось издать) мизерные, а жизнь трудная и каждый день пропитание требуется, говоря языком презренной прозы. Ведь далеко не только по земляничным тропам ходят ав-

торы, не только по аллеям из роз. И тут вспомнил я стихотворение Екатерины Филаретовой из сборника «Литературное Пушкиногорье», посвященное Великой Отечественной войне:

Ничто беды не предвещало.
 Многоязычная страна
 С энтузиазмом созидала.
 В Европе шла уже война.
 Пахали, строили, рожали.
 Корчагин Павел был кумир.
 И даже в мыслях не держали,
 Что в одночасье рухнет мир.
 Все мирно спали. На рассвете
 Бомбили наши города.
 И непроснувшиеся дети
 Ушли из жизни навсегда.
 Пришел топтать святыни наши
 Кровавый кованый сапог.
 Мы все до дна испили чашу
 Смертей, страданий и тревог.
 Страна огромная вставала
 И принимала смертный бой.
 Еще история не знала
 Таких побед такой ценой!..

Вот в чем дело! В генетической памяти, в особенностях русского характера, который любые трудности позволит преодолеть ради великой цели. Наш народ помнил и помнит Павку Корчагина, помнит титанические усилия отцов и дедов по строительству могучего Советского Союза, по восстановлению советской страны после тяжелейшей войны. Помнит. Поэтому даже неосознанно, находясь в сложных материальных условиях, преодолевая невзгоды, крепкие духом пушкиногорские литераторы, художники творят, сочиняют, не умом, но сердцем. Как созидали их отцы и деды. Они тоже бойцы. Но оружием их являются перо и кисть.

Снова вспоминается великий русский поэт Федор Иванович Тютчев:

Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить:
 У ней особенная стать –
 В Россию можно только верить.

Я верю в будущее мастеров пера и кисти любимого Пушкиногорья. Они делают великое дело становления икрепчания русской духовности на земле Пушкина. Ваше слово обязательно отзовется благом для людей, дорогие друзья. Дерзайте!